

Памяти Хайнца Хайнена (1941–2013)

Стандартная для начала некролога фраза «Мировая наука понесла тяжелую утрату...» меньше всего приходит в голову, когда полностью соответствует действительности. Может быть, в естественных или социально-экономических дисциплинах дело обстоит иначе, но в нашей отрасли знания вклад человека в науку плохо поддается описанию отвлеченными словами; он неотделим от самого человека, и то, каким был этот вклад, зависит от того, каким был сам этот человек. Исследователь историографии античности, Хайнц Хайнен превосходно это понимал: вспоминается его рассказ о начинающем теологе Вернере Хуссе, который, оставив по личным причинам мысли о сане, решил тем не менее избрать гуманитарную специальность, по возможности близкую ветхозаветной истории, и услышал от Г. Бенгтсона, что единственное еще «не занятое» его ученика-

ми более или менее «околобиблейское» место – это птолемеевский Египет; мне этот рассказ превосходно объяснил такую черту работ Хусса, как настойчивое использование термина «церковь» применительно к религиозной жизни государства Птолемеев. Для наших соотечественников память о скончавшемся недавно Хайнце Хайнене будет прежде всего памятью о человеке, а не о его работах, при всем уважении к ним: вряд ли может быть иначе в силу его давней любви к российской антиковедческой школе и той щедрой готовности помочь своими знаниями и практическими делами, которая известна многим из нас.

Хайнц Хайнен родился 14 сентября 1941 г. в Санкт-Вите (Сен-Вите) — небольшом городке на востоке Бельгии. Этот городок был частью округа Эйпен-Мальмеди с преобладающим немецким населением, переданного Бельгии Германией по условиям Версальского мира. Родина Х. Хайнена лежит сравнительно недалеко от Трира, где прошла большая часть его жизни ученого и преподавателя, и, как и Трир, входит в широкое и скорее объединяющее, чем разделяющее людей пограничье между Германией с одной стороны и Францией и Нидерландами, в средневековом смысле этого названия, с другой. Одним из первых сознательных воспоминаний Хайнена стало Арденнское контрнаступление, затронувшее и его родной город. Естественно, что, учась в бельгийской школе (сначала в Народной школе, а затем в Епископальном училище Санкт-Вита), он стал свободно говорить по-французски; однако уже в школьные годы он изучал классические языки и, может быть, чуть позже, начал интересоваться русским языком (как он рассказал, в юности ему хотелось понять суть разногласий, приведших к «холодной войне», познакомившись с тем, что пишут в советских газетах). В 1959–1964 гг. Х. Хайнен специализируется по древней истории в Католическом университете Лувена, а в 1964/65 г., при поддержке стипендии Германской службы академического обмена (как позднее и многие его гости из России, включая автора этих строк), попадает в Тюбингенский университет. Наставниками Хайнена в Тюбингене становятся К.-Ф. Штроекер и Г. Бенгтсон, под руководством которого в 1966 г. защищает диссертацию PhD «Рим и Египет в 51-47 гг. до н.э.». В этой работе обозначается его интерес к межгосударственным отношениям эпохи эллинизма и месту в них птолемеевского Египта — главной теме его исследований, связанных с государством Птолемеев. Вскоре после этого Х. Хайнен был призван в бельгийскую армию: по его рассказу, начальство, узнав об изучении им русско-

го языка, пожелало, чтобы, читая, кажется, «Красную Звезду», он установил, стоит ли за подписью ряда ее передовиц один реальный человек или сразу несколько советских пропагандистов. Едва ли эта экзегеза своеобразных текстов увенчалась большим успехом, однако несомненно, что к рубежу 1960-70-х гг. Хайнен уже читал русский текст вполне свободно. В 1968 г., после военной службы, Х. Хайнен стал сотрудником Г. Бенгтсона в Мюнхенском университете: там в 1970 г. он хабилитировал с работой «Исследования по эллинистической истории III в. до н.э.: к истории Птолемея Керавна и Хремонидовой войны», ставшей в дальнейшем его самой известной монографией по проблемам эллинизма (1972). В течение года (1970/71) он был экстраординарным профессором в университете Саарбрюкена, но вскоре его нашла работа, которая осталась с ним, по сути дела, уже до конца жизни.

В 1960-е гг. правительство ХДС, столкнувшись с переходом голосов избирателей к социал-демократам, решило повысить свою популярность, открыв ряд новых университетов. В федеральной земле Рейнланд-Пфальц началось создание технического университета в Кайзерслаутерне и университета гуманитарной специализации в Трире. Первый Трирский университет существовал с 1473 г., но в 1798 г. был закрыт присоединившими долину Мозеля французами. Университет, который в итоге был открыт в Трире в 1970 г., — совершенно новое учреждение, апеллирующее к памяти о своем предшественнике разве что на уровне символа, но не реальной преемственности. Получив в 1971 г. приглашение занять кафедру древней истории в Дюссельдорфе или в Трире, Хайнц Хайнен выбрал Трир. В 1974/75 г., по принятому в Германии ротационному принципу, он возглавлял III факультет (Fachbereich III) Трирского университета, где сосредоточено преподавание истории; он стал автором и редактором ряда трудов о Трире в древности и на рубеже средневековья (1985, 1988², 1996, 2003); однако главным его достижением стало все же создание в Трире одной из лучших в мире специализаций по греко-римскому Египту.

Если говорить о «научной родословной» Х. Хайнена, его отделяет сравнительно небольшая дистанция от зачинателей научного изучения эллинизма и, в частности, основоположников папирологии: его учитель Бенгтсон был учеником В. Отто, а тот — великого Ульриха Вилькена! Для ученого, стоявшего, по сути дела, близко к классикам этих направлений, с их ориентацией на античные источники, Хайнен обладал завидным кругозором. Наверное, не все знают, что в Тюбингене он изучал древнеегипетский язык

у крупнейшего немецкого египтолога Хельмута Бруннера, хотя в собственных исследованиях не выходил за рамки античных источников. Вместе с тем он справедливо считал, что для поколения его учеников этого недостаточно и что на том этапе развития, которого достигли и наука об эллинизме, и египтология к 1970-м гг., сам университет, создающий специализацию по птолемеевскому Египту, должен позаботиться о возможности для студентов полноценно знакомиться и с греко-македонской, и с египетской составляющими его общества и культуры.

Эффективнее всего этого можно было добиться в тесном контакте между специалистами по обоим этим направлениям. С появлением в Трире в 1977 г. кафедры египтологии, которую занял австрийский ученый Э. Винтер, ученик Г. Юнкера, совместно с ним издававший надписи греко-римского времени из храма Исиды на острове Филэ, стала реальной организация Центра по изучению греко-римского Египта (Forschungszentrum Griechisch-Römisches Ägypten). Эта структура не была административным образованием — таковыми оставались созданные в Трире профессуры по древней истории, египтологии, археологии и папирологии; скорее она была выражением очень результативного сотрудничества между ними и в исследованиях, и в подготовке студентов. Такое сотрудничество позволяло компенсировать в какой-то мере (хотя, конечно, не полностью) серьезную слабость, свойственную египтологии — ее уклон в филологию и публикацию памятников в ущерб историческому исследованию. В работах египтологов, которыми руководил Х. Хайнен (таких, как появившиеся в 2000–2010-е гг. новая публикация Канопского декрета Ш. Пфайффером или первая полноценная публикация «Стелы сатрапа» Д. Шефер), очень легко разглядеть то, что «шло от Хайнена», — саму постановку исторических проблем, предполагающую при их решении исчерпывающий синтез египетских и античных источников. Кажется, с задачами расширения спектра исследований и специализации в Трире были связаны некоторые публикации Х. Хайнена: так, его очерк о культе римских императоров в Египте, написанный для тома 18 второй части “Aufstieg und Niedergang der römischen Welt”, можно назвать краеугольным камнем для исследований по этой проблематике, динамично развивающихся в наши дни. С уходом Хайнена с профессуры по древней истории в 2006 г. нацеленность трирских кафедр на совместную подготовку специалистов именно по греко-римскому Египту ослабла: на сегодняшний день Центр по изучению греко-римского Египта уступил место

Центру изучения древности (Zentrum für Altertumswissenschaften) с более общими задачами.

Исследовательский компонент в работе трирского Центра, проявился, в частности, в создании серии *Aegyptiaca treverensia*, 1-м и 2-м томами которой стали на сегодняшний день уже классические издания материалов симпозиумов по птолемеевскому и римско-византийскому Египту (1978, 1983). Авторами и редакторами трудов этой серии были в основном египтологи и археологи, но трудно представить, что она состоялась бы без первоначального импульса, заданного изучению греко-римского Египта в Трире Х. Хайненом. В 2002 г. при участии Х. Хайнена была найдена еще одна форма научного сотрудничества на базе Трирского университета: трирские историки получили поддержку Германского исследовательского общества для создания специального исследовательского проекта по изучению взаимодействия между социумами и между различными группами внутри социумов в разные эпохи (Sonderforschungsbereich 600 “Fremdheit und Armut. Wandel von Inklusions- und Exklusionsformen von der Antike bis zur Gegenwart”; завершен в конце 2011 г.). Х. Хайнен, возглавивший одно из направлений этого проекта, видел в нем вполне определенную выгоду: предоставить своим ученикам возможность самореализации, в качестве уже не студентов разных уровней, а профессиональных исследователей, работающих одной командой на временных позициях, созданных в рамках этого проекта. Мне довелось быть на стажировке в Трире летом 2002 г., и я помню, как много времени Хайнен уделял обсуждениям в своем кабинете этого общего дела с его участниками. Успех этого замысла Хайнена трудно переоценить: двое его учеников, получившие известность как раз при реализации этого проекта, на сегодняшний день сами возглавляют серьезные университетские структуры (Ш. Пфайффер — кафедру в Халле, А. Чошкун – созданный им в Университете Ватерлоо в Канаде Институт эллинистических исследований). Возглавленное Хайненом направление проекта формально было посвящено греко-римскому Египту (Teilprojekt A 1: Entstehung und Entwicklung einer multikulturellen Gesellschaft im griechisch-römischen Ägypten), однако фактически в его рамках были изданы труды, охватившие едва ли не весь спектр восточноэллинистических обществ.

Многие десятилетия не ослабевал интерес Х. Хайнена к русскоязычной историографии античности. В 1970-е гг. в рамках своей работы в Комиссии по древней истории Академии наук в Майнце он

публикует ряд рецензий на монографии советских ученых по античному рабству. В 1980 г., в историографической серии “Erträge der Forschung” выходит книга «История древности в зеркале советских исследований» – сборник обзоров по ряду направлений не только античной, но и древневосточной истории, написанных нашими учеными; инициатива этого издания и редакторская работа над ним принадлежали Х. Хайнену. В 1993 г. в немецком переводе Хайнена выходит второй том знаменитого труда М.И. Ростовцева «Скифия и Боспор», обнаруженного в архиве русского ученого В.Ю. Зуевым. Наконец, общеизвестна роль Хайнена в подготовке издания “Pontische Studien” Ю.Г. Виноградова (1997). По-видимому, из чтения русскоязычных антиковедческих работ возник и исследовательский интерес Х. Хайнена к древней истории Северного Причерноморья, которой он посвятил множество статей и небольшую книгу «Древность у края степей: Северное Причерноморье как исследовательская задача» (2006). Именно Северное Причерноморье породило тесные научные контакты Х. Хайнена и Ю.Г. Виноградова; о роли дискуссий с Хайненом для выработки собственной исследовательской концепции говорит в предисловии к своей книге «Боспорское царство на рубеже двух эпох» (2002) С.Ю. Сапрыкин.

Все эти свершения Х. Хайнена так или иначе связаны с его интересом не только к российской науке, но и в целом к историографии, занятия которой он считал необходимыми для каждого серьезного историка древности. Для самого Хайнена с начала его сотрудничества с Академией в Майнце в 1970-е гг. конкретным направлением историографических изысканий стало изучение античного рабства. С 2000 г. он возглавлял в Майнце посвященный этому проект, став таким образом прямым продолжателем дела Й. Фогта (последний в свое время и пригласил его к сотрудничеству с Майнцем). Именно этот проект стал главной точкой приложения сил Х. Хайнена после ухода с профессоры в Трире, в том числе в те годы, когда он уже был тяжело болен. Работу в рамках этого проекта над «Словарем античного рабства» Хайнен считал последним масштабным делом своей жизни, которому он стремился отдать свои силы до конца. Стоит сказать, что среди публикаций Х. Хайнена последних лет особое место занимает обширный очерк, посвященный исследованиям рабства в советской историографии, а также тем политико-идеологическим тенденциям, которые оказывали на него влияние (2010): электронными копиями этой работы Хайнен особенно охотно делился со своими российскими корреспондентами, похоже,

видя в ней своего рода отдачу долгу этапу развития нашей науки об античности, который совпал с его зрелыми годами и теперь принадлежит прошлому.

Академия наук в Майнце была лишь одним из целого ряда научных обществ, в которых состоял Хайнц Хайнен: он был членом Академии наук в Гёттингене, членом-корреспондентом Германского археологического института, иностранным членом Королевской Фламандской академии наук и искусств Бельгии, почетным членом Института великого герцога в Люксембурге. Числила его в своих рядах и Российская ассоциация антиковедов, и это членство не было формальным: ряд публикаций Х. Хайнена в наших изданиях и многочисленные контакты с коллегами из Москвы, Санкт-Петербурга, антиковедческих центров Поволжья сделали его настоящим членом сообщества российских исследователей древности. Безусловно, особое место среди научных обязанностей Х. Хайнена занимала работа редактора знаменитого журнала “Historia”: на этом посту он стал преемником своего учителя Г. Бенгтсона и оставался более 30 лет — с 1971 г. до 2003 г.

Моя собственная встреча с Х. Хайненом произошла в августе 1999 г., когда, по стипендии Германской службы академического обмена, я приехал в Трир на стажировку к его давнему коллеге Эриху Винтеру. Профессор Винтер представил меня Хайнену уже в день моего приезда, и скоро я попросил его прочесть некоторые мои статьи, привезенные в Трир в рукописи. Обсуждение с Х. Хайненом моей первой статьи о «Стеле сатрапа» было для меня, в известном смысле, первым опытом восприятия научной критики от специалиста по моему материалу, и оно показало, насколько идеальным — тщательным и максимально доброжелательным — читателем научного текста он был; думается, что при этих качествах он был идеален и как научный руководитель, и как редактор. Советы и пожелания Хайнена касались прежде всего историографической полноты работы, которую он читал: на этом он настаивал непременно, однако был готов принять ее выводы, даже если они сильно меняли привычную для него историческую картину, — разумеется, при достаточной их обоснованности. В первом варианте моей статьи содержалась ссылка на тезис В.В. Струве о том, что неидентифицированная египетская титулатура на клепсидре из Государственного Эрмитажа, соседствующая с титулатурой царя по имени «Александр» (по мнению Струве, сына Александра Великого и Роксаны) принадлежит Птолемею и свидетельствует о принятии им царского

статуса в Египте еще при жизни сына Роксаны, до «года царей». Вовсе не отвергая такой возможности *a limine*, Хайнен посоветовал максимально, насколько позволяют египетские источники, убедиться в том, что Струве прав, учитывая ответственность вывода, следующего из его интерпретации; в дальнейшем стало ясно, что выяснение вопроса о природе этой титулатуры требует специального исследования вне рамок моей тогдашней статьи. В связи с ней же Хайнен «навел» меня на публикации Я.К. Винницкого по раннеэллинистическому Египту и однажды пришел ко мне с названием его книги о войнах Птолемеев в Сирии, изданной в Варшаве (1989). Я поблагодарил его и сказал, что не читаю по-польски. «Я с моим русским разбираю польский текст, — возразил Хайнен, — что же говорить о вас!» (Признаюсь, что в итоге так и не добрался до этой книги: в египтологической библиотеке Трира было слишком много недоступных в Москве книг на более привычных, хотя и неславянских, языках, а времени, как всегда в Германии, было слишком мало...) В 2002 г. руководителем моей новой «даадовской» стажировки в Трире был уже Хайнен, хотя в итоге его тогдашние хлопоты по организации Sonderforschungsbereich оставили совсем немного времени для нашего общения.

Разумеется, это общение не свелось только к научным материям. Не уверен, что в отличие от коллег, знавших его ближе и дольше, могу об этом точно судить; но все-таки попробую сказать об отношении Х. Хайнена к нашей стране, каким оно мне представилось. Думается, в ней он прежде всего любил и ценил науку об античности; он был очень верен своим российским коллегам и был готов помогать им — присылкой публикаций, помощью в получении стажировок и грантов, своими советами. Общаясь с ними, он иногда (очень изредка) мог вставить в свою речь русские слова: «Сначала выпьем шампанского», — сказал он по-русски перед обедом у него дома, обнаружив хорошее знание того, как превосходный немецкий *Sekt* называли бы его друзья в Москве. «Всерьез» говорить по-русски, он, как я представляю, не рисковал, хотя мог предложить своим гостям, не сильным в европейских языках, говорить с ним по-русски, только медленно. Не уверен, что Хайнен понимал по-настоящему, что происходило и происходит у нас в стране: однажды в 2002 г. он сказал, что читает «Россию в обвале» Солженицына, но вообще не слишком стремился к обсуждению, как говорится, актуальных тем. В России он, насколько я знаю, был только один раз, и когда его спрашивали о возможности новой поездки к нам, отвечал с явным

сомнением. Нельзя не сказать о том, с какой готовностью Хайнен, уже тяжело больной, отозвался в ноябре прошлого года на просьбу коллег подписать петицию против сокращения (фактической ликвидации) бюджетного набора на отделение классической филологии Санкт-Петербургского университета. Подпись Хайнена сопровождало целое послание с характерной для него мыслью: Россия обязательно должна воспроизводить то восхищавшее его отношение к классической древности, которое было частью ее культуры и науки в дореволюционное время и сохранилось, вопреки всему, при советской власти. «К сожалению, печальная правда в том, что подобные тенденции есть и в западных странах, где недостаток уважения к собственным традициям очень моден. Но зачем России следовать этому западному течению, вместо того чтобы с гордостью развивать свое собственное культурное наследие?». Трудно сказать, насколько Хайнен сознавал степень риторичности такого вопроса при обращении к адресатам этой петиции.

После 2002 г. наши личные встречи с Хайненом уже не повторялись: мне не доводилось быть в Трире, а в Германии я оказывался слишком ненадолго или далеко от мест, где мы могли бы увидеться. В 2010 г. я узнал о его болезни; в конце 2011 г., по рассказу Ш. Пфайффера и тону писем самого Хайнена, мне показалось, что он преодолевает болезнь, но затем его письма стали печальны. В начале марта 2013 г. я написал Хайнену о смерти В.И. Кузицина. «Долгая жизнь и еще более долгая эпоха пришли к концу», — ответил он и добавил, что видит повод поразмыслить о разных аспектах этого завершения, но из-за своего состояния не может себе этого позволить. Среди научных планов, которые разрушила его болезнь, он назвал написание общих работ по истории птолемеевского Египта и Северного Причерноморья. Это письмо звучало как прощальное, и на него было трудно ответить.

Хайнц Хайнен умер в Трире 21 июня 2013 г. и через несколько дней был похоронен в своем родном городе Санкт-Вите. Его будет не хватать всем знавшим его российским исследователям древности.

И.А. Ладынин

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий ежегодник посвящен проблемам, которые стали темой двух конференций, проведенных в 2012 году, — Круглого стола «Образование Боспорского государства: от полиса к царству» (Институт всеобщей истории РАН) и Российско-украинского научного симпозиума «Эллинизм: географические границы, хронологические рамки, сущностное содержание» (Российский государственный гуманитарный университет, Российская ассоциация антиковедов). Проблемы, рассматривавшиеся на этих конференциях, оказались настолько взаимосвязанными и взаимодополняющими, что возникла идея объединить материалы этих конференций в рамках одного издания.

В самом деле, одной из важнейших тем на Круглом столе было рассмотрение особенностей развития государственности на Боспоре в рамках теории «предэллинизма» (или «протоэллинизма»), которое предполагает понимание того, что представлял собой сам эллинизм, а это и было предметом обсуждения на конференции по эллинизму. Время и обстоятельства «вхождения» Боспорского царства в систему эллинистических государств также активно дискутируются среди историков Боспора. Понимание «географических границ, хронологических рамок и сущностного содержания» эллинизма оказывает существенную помощь в понимании политогенеза в Северном Причерноморье.

Редакторы тома благодарят всех участников этих конференций за предоставление статей, написанных по материалам их выступлений, и надеются, что публикуемые здесь работы дадут импульс к дальнейшему плодотворному исследованию указанных проблем.

Этот том мы посвящаем памяти нашего коллеги и друга Хайнца Хайнена, которого связывали со многими авторами этого тома тесные узы сотрудничества и дружбы и для которого темы истории Северного Причерноморья и эллинизма были одними из главных в научном творчестве.

О.Л. Габелко, А.В. Подосинов